

minibo**OK**

ФРАНСУАЗА САГАН

**ПРОЩАЙ,
ПЕЧАЛЬ**

**Москва
2017**

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44
С13

Françoise Sagan
UN CHAGRIN DE PASSAGE
© PLON 1994

Оформление серии А. *Старикова*

В оформлении обложки использована фотография:
sanneberg / Shutterstock.com
и иллюстрации:
DVARG / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com;
isaxar / Istockphoto / Thinkstock / Gettyimages.ru

Саган, Франсуаза.
С13 Прощай, печаль / Франсуаза Саган ; [пер.
с фр. В. Львова]. — Москва : Издательство «Э»,
2017. — 128 с. — (Minibook).

ISBN 978-5-699-97053-7

Что такое, собственно, шесть месяцев? Краткий миг или вечность?.. Выслушав безапелляционный приговор врача, тщеславный и эгоистичный Матье вдруг задумывается над своей жизнью, чувствами, отношениями. Сделал ли он хоть что-нибудь правильно? И как ему провести последние дни?

УДК 821.133.1-31
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-699-97053-7

© Львов В., перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

1

— **И** как давно вы начали курить?
— Курю я всю жизнь, — уточнил Матье, не желая путем бьющей на жалость перемены грамматического времени порочить столь же постоянную, сколь и прекрасную привычку к табаку, пусть даже она оказалась фатальной. Хватит и того, что этот малосимпатичный, невзрачный врач предрек ему скорую смерть, так что незачем в дополнение к столь неприятной новости говорить о себе в прошедшем времени.

Нужно было не только взять себя в руки, но и не дать волю раздражению, обращенному по обыкновению на носителей дурных вестей. Однако мало-помалу Матье стал свыкаться с мыслью о близкой кончине... Странное дело, пошлость обстановки и безликий вид врачебного кабинета, как, впрочем, и приглушенный уличный шум, на фоне которого происходила эта банальная сцена, сказали ему о катастрофе больше, чем только что произнесенное слово «рак».

— Само собой разумеется, вам надо будет посоветоваться со специалистами, — проговорил невзрачный на вид врач, замещавший доброго старого доктора Жуффруа и одновременно являвшийся точной копией хомяка, по поводу чего при других обстоятельствах можно было бы и пошутить; врач, на которого Матье неосмотрительно

положился, доверив ему проведение очередной ежегодной диспансеризации...

— Само собой разумеется, — вновь заявил врач, — такого рода новости нуждаются в подтверждении. Хотя в вашем случае — увы!..

Он размахивал рентгеновскими снимками легких Матье, как бы взвешивая их на ладонях, — снимками-снарядами, картами смерти из колоды Таро — с каким-то своеобразным уважением, даже почтением к душевной стойкости пациента, а также к результативности собственных действий, позволивших получить вещественное доказательство существования «нашей», как он выразился, карциномы. А тут... нет: пациент, оказывается, не разделяет его мрачных восторгов, а ведь он-то должен был бы всем этим проникнуться! И с какой стати Матье должен был узнать самую важную новость своей жизни именно от этого дегенерата? «Итак, мне суждено умереть! Через шесть месяцев я буду мертв, меня больше не будет», — настойчиво повторял он про себя. Он удивлялся, что ничего не ощущает, и вновь слова начинали складываться во фразы, и в них сливались воедино неверие и страх, точно он ощупывал края открытой раны и не испытывал при этом никакой боли. «Через шесть месяцев не будет ничего! Я ничего не буду чувствовать! Меня, Матье, меня просто больше не будет!..»

И внезапно до него дошла реальность собственной смерти, обрушилась на него, точно удар, и, сидя в кресле, он согнулся пополам под тяжестью отчетливого воспоминания. Два или три года назад во второй половине дня он находился на трибуне ипподрома Эври и до такой степени погрузился в изучение программы, что даже не смотрел на выводку лошадей; и вдруг какая-то страшная штука прорвала программу и, слегка задев лоб Матье, заставила его резко отдернуть голову. Оказывается, взбрык-

нула одна из лошадей, и оторвавшаяся подкова прошла всего в нескольких миллиметрах от него. Матье успел разглядеть, как этот смертельно опасный предмет, к железу которого прилипли шерсть и кусочки копыта, пролетел на уровне глаз и рухнул наземь. И Матье, к величайшему стыду, потребовалась целая минута, чтобы прийти в себя и унять дрожь. Вот это «нечто» и способствовало осознанию диагноза: ему вдруг захотелось уклониться, отдернуть голову, как это было, когда в него чуть не попала смертельно опасная подкова. Но на этот раз ему не удалось повторить маневр. Не получилось.

Он, должно быть, побледнел, ибо хомяк — а врач решительно напоминал хомяка — наклонился над ним с удовлетворенно-садистским выражением лица. Тем временем сердце Матье вновь начинало биться, восстанавливалось дыхание. Исчез ужас предшествующего мгновения, но четкое ощущение непоправимости, немыслимости случившегося не исчезало. Оторопь не проходила. Теперь ему стали понятны и ложь, и неприятие правды, которые он наблюдал в подобных ситуациях. Доверчивые смертники. Приговоренные, строящие планы на будущее... Сама мысль о смерти стала нестерпимой, вот и все. И, без сомнения, завтра или послезавтра, очень скоро, он узнает, сумеет найти средство избежать беды, отбросить самоочевидность смерти, той самой, которая ему предстоит.

— Вам нехорошо? Или, может быть, вы считаете меня зверем? Но я приверженец того направления в медицине, сторонники которого говорят пациентам правду... по крайней мере, людям зрелым.

Так, значит, в довершение ко всему этот врач считает его зрелым! Его, Матье, он принимает за зрелого человека... в то время как единственное его желание — стать одиннадцатилетним, броситься к родителям, увы, уже давно умершим, и попросить у них помощи. Они и толь-

ко они одни, должно быть, посмеялись бы вместе с ним, разъяснили бы ему, сколь глуп и безумен подобный диагноз, успокоили бы его. Только они одни смогли бы вернуть ему уверенность в себе и, успокоив, отправить его, подростка, не ведающего, что такое смерть, спать в детскую. Правда, позднее Матье стал мысленно упрекать себя за то, что подумал в первую очередь о покойных родителях, а не о живых близких ему женщинах. Впрочем, его это не особенно удивило. Он всегда осознавал, насколько сильны привязанности детства и насколько они несоизмеримы, как ему представлялось, с привязанностями чисто мужскими. И его нынешняя ситуация — новое тому доказательство: ведь только родители были бы потрясены тем, что их сын умрет от рака в сорок лет. Все прочие сочли бы его смерть от рака естественной или почти таковой. Родственники или друзья назвали бы это событие грустным, беспредельно грустным, не только досадным, но и абсурдным. И никто из них не воспринял бы его смерть так, как он сам или его родители: как вещь невыносимую.

— Мои собратья по профессии еще скажут свое слово по поводу сроков. Я назвал вам шесть месяцев, но мог бы назвать и три месяца, один, девять или двенадцать...

— Не так уж это и важно, — машинально проговорил Матье.

Это замечание тотчас же вызвало соответствующую реакцию собеседника:

— Не надо так говорить! Сегодня вам это представляется неважным, вы живете в новой реальности первый день, но, поверьте, как только истекнут шесть месяцев, вы будете бороться вместе со мной за каждый новый день! И как же вы будете негодовать, сердиться на меня, если из шести месяцев всего лишь один день будет отнят у вас! Вот увидите!

И Матье представил себе череду храбрецов, которые пытались оставаться храбрецами перед этим кретином и

которые позднее, через шесть месяцев, молили небо о том, чтобы еще хоть три дня, три дня мучений, разумеется, были дарованы им свыше. В голосе врача слышались торжествующие и одновременно презрительные нотки, отчего Матье рванулся со стула: он испытывал отвращение к этому типу. Но тут же сел снова: ведь врач был единственным, кто знал правду, единственным, кто вдруг перестал быть посторонним, единственным, кто видел Матье таким, каким он теперь стал: живым, но до тех пор, пока не кончится отсрочка. Другим человеком, позднее решит он. Так с кем поделиться этой правдой? От кого придется скрывать ее? Матье не знал. Он наверняка знал лишь то, что ему обязательно надо быть хладнокровным и сдержанным в присутствии этого презируемого им человека. Этого требует обычная благопристойность, глупый буржуазный рефлекс, за который он сам себя упрекал... но который обязывал его быть мужественным — или притворяться таковым.

У докторишки, должно быть, отлегло от сердца, когда Матье вскочил, но на лице его отразилось разочарование, когда тот снова сел. Тут Матье решил остаться, держаться как можно дольше, даже вынудить врача вести светский разговор.

— А вы не собираетесь путешествовать?

— Простите? Нет, не собираюсь...

Матье поразился: путешествие, вот так идея! Он уже давно размышлял об этом, еще сегодня утром мечтал посетить те самые места, увидеть те самые пейзажи, те самые города, о которых всегда грезил. Но они же никуда не делись. Восток, Азия, далекие моря, горы, которыми еще совсем недавно было переполнено его воображение. А теперь они превратились всего лишь в места, куда он никогда уже не попадет. Он точно знал: теперь обо всех этих местах остается лишь вздыхать. Не будет больше

морей, где можно искупаться, но будут лишь моря, в которых он никогда не искупается, которые никогда не увидит и никогда не услышит шума волн. Все, что предстояло для себя открыть, следовало позабыть. Все планы, которые хотелось осуществить, все прелестные места, куда так хотелось попасть, теперь будут существовать отдельно от него, как подарки, которые в один прекрасный день предстоит вернуть... И весьма скоро! Ибо на этой Земле не было более ничего, что Матье со всей очевидностью, со всей своей радостной наглядностью мог бы назвать своим. И ведь есть люди, которые не любят жизнь, которым не дорога эта планета! Почему же именно он, влюбленный в нее, должен быть всего этого лишен? Ведь ему еще нет и сорока! Сорок так и не исполнится, ему не суждено насладиться жизнью... И в этом заключается величайшая несправедливость (если позабыть про детей, женщин, катастрофы, зверства, ежедневно потрясающие добрую старушку Землю).

— Передам вам письмо для профессора Лэнгра, — проговорил хомяк откуда-то издалека. — Неважно, обратитесь ли вы к нему или к кому-то другому. Но я вам самым серьезным образом порекомендовал бы именно Лэнгра. Моя секретарша сейчас же напечатает для вас это письмо. Ах нет! — поспешно воскликнул врач. — Она же сегодня отсутствует. Но ничего, я перешлю его вам завтра.

Секретарша, милая девушка, из-за которой Матье, собственно, и стал сюда ходить и которая была в восторге от него, в данную минуту действительно отсутствовала. Не так давно у него с этим прелестным, бесхитростным и бесстыдным созданием начался флирт, Матье не сомневался, что именно ей хомяк был обязан частью клиентуры, той, что приходила сюда из-за нее. На будущий вторник, на конец дня у Матье было назначено с ней свидание, и этот совместный «чай» предполагал недвус-

мысленное продолжение. По смущенному виду врача Матье понял все. Она отсутствует во время его визита потому, что он болен. И хотя Матье не заразен, сути дела это не меняет. Ведь все не так просто. Даже абсолютно чистое желание должно иметь какое-то будущее. Человек без будущего, обреченный на скорую смерть, перестает быть желанен. Как бы дико это ни выглядело, в подобных обстоятельствах та же реакция была бы и у него самого по отношению к женщине. Желание превратилось бы в сострадание. Иначе говоря, пропало бы. Значит, теперь надо как можно дольше скрывать свое состояние от женщин, которых он пожелает и захочет соблазнить. Он не вынесет ни поневоле жалостливый взгляд женщины, ни вопроса в ее глазах вместо прямого и однозначного, заранее известного ему ответа: да или нет.

Но шесть месяцев? Что такое, собственно, шесть месяцев? Краткий миг или вечность? Сама мысль о том, что эта кровь, эта плоть, столь верная, столь выносливая, столь преисполненная желаний и сил, тайком его покинет, перестанет принадлежать ему и без предварительного уведомления, без внешних признаков предательства станет его врагом — или, точнее, логовом его врага, — сама эта мысль показалась ему еще более унижительной, чем все остальное. Он бросил быстрый взгляд на свою руку, представив себе, какое отвращение или жалость будет она вызывать у медсестры, девушки со здоровой плотью. И на мгновение ощутил приступ тошноты. Его доводила до иступления банальность происходящего: ведь он прекрасно знал, что рано или поздно умрет! Он прекрасно знал, что во Франции определенный процент мужчин его возраста ежегодно умирает от рака! Более того, ему теперь известно, что он вошел в этот процент: вот и все! В этом не было ничего необычного, ничего удивительного и ничего примечательного. Лишь нечто сугу-

бо банальное. А он, Матье, стократно готовый к гибели в автокатастрофе, готовый вписаться в равный или еще больший процент, приходящийся на дорожные происшествия, не способен убедить себя в причастности к «этому», ибо данное, конкретное «это» для него невыносимо. Смерть его потрясет лишь его самого, повторял он про себя. Она удивит, она причинит боль тем, кто его любил, но она не потрясет никого в той степени, в которой, как полагал Матье, оказался потрясен он сам. Поруганный, осмеянный, униженный. Вот именно, униженный.

И тут у него сам собой возник вопрос: почему подкова не выбила у него из рук программу и не показала ему будущую жизнь в ее истинном свете — как несколько недель грядущего ужаса; короче говоря, почему перед ним тогда не предстал тот самый отвратительный миг. «В глубине души, — убеждал себя Матье, — я готов умереть, только не хотелось бы заранее знать об этом. Как и все обреченные, которых теперь я в состоянии понять и чья слепота так удивляла меня, а порой вызывала чувство разочарования». И он, считавший себя терпимейшим — или, во всяком случае, всепрощающим — по отношению к слабостям человеческим, зачастую испытывал досаду, глядя, как борются со смертью и умирают его друзья. Тем не менее через неделю он, по-видимому, придет к тому, что уверует в нечто отличное от истины, ибо истина станет для него непереносимой. Он придумает для себя туберкулез или бог знает что. Так делают все, чтобы скрасить мысль о собственной смерти. И он поступит точно так же, как все.

* * *

Хомяк поспешно затворил дверь, иначе Матье увидел бы не только красный шарфик прелестной медсестры, забытый у входа. И Матье очутился во мраке, он неподвижно

стоял на лестнице и держался за перила. Затем стал спускаться в привычном для него со школьных времен темпе охотничьего галопа. Аллюр лицеиста. Раз, два, три... раз, два, три... раз, два, три... и в четыре прыжка перескочить через площадку, раз, два, три... С шумом и закусив удила... Лестница была покрыта серо-красно-черной дорожкой в разводах, столь типичной для современных жилых домов. Только что он поднимался по этой лестнице и шел по этой дорожке. А теперь спускался по ней как ни в чем не бывало. И где-то под мышкой находились снимки, свидетельствующие о надвигающейся смерти, а точнее, о конкретных ее сроках. Сам того не осознавая, он неся со скоростью преследуемой антилопы. Надо пользоваться моментом: ведь месяца через три на него можно будет вешать табличку «Обращаться осторожно», и он станет ездить на служебном лифте «Отис-Пифр», точно старички или хворые. На антресоли он задержался, усевшись на ступеньку. Кисть его руки повисла, и Матье окинул ее взглядом: пульсирующие вены, напрягшиеся мускулы и сухожилия... Лучи света проникали сквозь витраж лестничной клетки, столь характерный для многоквартирных домов тридцатых годов, правда, уровень освещенности был не выше, чем у циферблата часов. Матье раскрыл ладонь, с сомнением бросив взгляд на линию жизни: она оказалась гораздо длиннее, чем предсказывал хомьяк, — она лгала. Матье вынул сигарету из кармана, засунул ее в рот, помедлил мгновение, прежде чем закурить, а потом сделал сознательно долгую затяжку. Не то чтобы он собирался бросить вызов судьбе или посрамить врачей-невежд, но что-то уже схватило его за горло, залезло в глаза и нос, деформировало рот. В последний раз он плакал восемь лет назад, а именно, когда умерла его мать. На короткое время Матье охватил стыд, ибо он подумал, что, именно жалея себя самого, он вдруг не удержался и заплакал, хотя за восемь прошедших лет не уронил и слезинки.